

основе коллективного менталитета всех российских этносов, создающих совместными усилиями благополучие России [3, с. 1375]

Мы считаем, что формирующиеся в постсоветской России общегражданская идеология должна стать стратегическим ресурсом модернизации российской экономики и общества в целом. А воплощение принципов этой идеологии в социальную практику сплотит российское общество и расширит диапазон возможностей отдельных социальных групп и, прежде всего, когнитариата как движущей силы высокотехнологичного производства в защите своих профессиональных интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Беленкова О.А.** Социокультурная идентификация личности технических специалистов // Идентичность личности в условиях глобализации. Сб. науч. ст. Уфа. РИЦ БашГУ. 2010. С 75-79.
- 2. Эриксон Э.Х.** Идентичность: юность и кризис. / Э.Х. Эриксон [Текст] / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – (592 с.).
- 3. Беленкова О.А.** Общегражданская идеология – стратегический ресурс развития постсоветской России // Вестник Башкирского университета. 2012. Т.17. № 3. С. 1372–1375.

УДК 009+316.77+007

И. П. Березовская, Е. М. Гашкова, В. А. Серкова

«ЦИФРОВОЕ» ПОКОЛЕНИЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕСКРИПЦИИ

Проблема межпоколенческих отношений по мере разрушения традиционных устоев общества набирает силу и обретает высокую актуальность. Плюрализм мнений, релятивизм нравственных идеалов, отсутствие единства в восприятии окружающего мира с предшествующими поколениями – эти и другие характеристики

современной культуры позволяют отнести ее к преферативному типу культур (согласно типологии известного антрополога М. Мид) [1].

Преферативные культуры – это культуры, в которых инновации происходят в столь быстром темпе, что взрослое население просто не успевает усваивать их; решающее значение в такой культуре приобретает духовный потенциал молодого поколения, у которого образуется общность опыта, отсутствующая у старшего поколения. «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ. Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие...» [1].

Из специфики культуры преферативного типа вытекают многие современные проблемы в образовании. Изменения в программах, реформа образовательной среды, внедрение технологии обучения в образовательное пространство – все эти действия являются реакцией на те требования, которые предъявляет культура преферативного типа к образованию. Для того, чтобы разобраться в том, что и как нужно менять в образовании, необходимо осмыслить основные линии межпоколенческих разрывов, которые трансформируют процесс педагогического взаимодействия. Актуальность данного исследования определяется именно такой постановкой проблемы.

Начало исследований проблемы поколений было положено в философии конца XVIII – начала XIX века. Классическая теория поколений получила свое развитие в позитивизме, метафизическом романтизме и марксизме. Большой вклад в развитие теории поколений внесла социальная антропология и историческая этнология. Исследования в конкретных областях привели к обнаружению многих фактов, подтверждающих или конкретизирующих позитивистский и романтико-метафизический подходы к проблеме поколений, не сделав эти подходы более совместимыми. Интеграции того и другого подходов осуществил К. Мангейм в своей книге «Очерки социологии знания» [2], где он пишет о том, что с изменениями в социальных условиях деятельности, неосознанно

начинает трансформироваться и сознание людей. Идеи Мангейма перекликается с идеями раннего М. Хайдеггера [3], согласно которому никакая традиция, никакое наследие самостоятельно не существуют, они каждый раз должны осуществляться заново, обнаруживая себя переживаемыми в «судьбе», через которую человек, проживая, принимает дух своего времени и своего народа, а в данном случае – своего поколения.

В 60-е годы XX в. все более актуализируются идеи, связанные с межпоколенческими конфликтами, которые получают осмысление в ряде социологических и социально-психологических работ. В 60-е – 70-е годы активно разрабатывается концепция «конфликта поколений», или «кризиса взаимоотношений между поколениями», выявляются технократические (З. Бжезинский) [4]; политические (Л. Фойерх [5], Ш. Эйзенштадт [6]); социальные (Э.Я. Баталов [7], И.С. Кон [8]) причины конфликта поколений.

В начале 90-х годов прошлого века американские исследователи Нейл Хоув и Вильям Штраус [9] внесли свой вклад в проблему изучения конфликта поколений, определив, что люди, принадлежащие к одному поколению в своих моделях поведения, совершенно отличны от людей другого поколения в пору того же возраста. В 1991 году ученые написали книгу *Generations* («Поколения»), в которой им удалось проследить изменения, происходившие в поведении американского социума со времён Колумба.

В начале XXI века Марком Prenski, писателем и популяризатором технологий обучения и просвещения, в статье *Digital Natives, Digital Immigrants* (2001) были предложены новые термины для определения поколений, новая терминология открыла иные перспективы перевода теоретических исследований в практические рекомендации по компьютерной экспансии в образование.

В последние годы появился ряд работ, анализирующих специфику нового цифрового поколения. Одно из первых подробных исследований нового цифрового поколения принадлежит американскому исследователю Джону Парфли. Его книга «Рожденные в цифровую эпоху: исследуя первое поколение цифровых аборигенов» [10] служит отправной точкой для социокультурных исследований данного поколения. Исследование обращается к основным вызовам и рискам цифровых технологий в контексте воспитания – информационная безопасность,

неприкосновенность личной жизни, опасный интернет-контент, интернет в образовании. Значительное внимание уделено новым режимам взаимодействия интернет-пространства и культуры, новым практикам манипуляции с информацией, трансформации практик создания текстов.

В 2011 году в сборнике эссе «Анализируя Digital Natives: молодежь, технологии и новые грамотности» [11] предлагается анализ взаимоотношений молодежи, цифровых технологий и образования в американском обществе. В сборник включены главы, посвященные концептуализации понятия digital natives, вопросам новой цифровой грамотности, необходимой для успешного функционирования в Интернет-пространстве.

В сборнике «Молодежная культура и интернет культура: онлайн-социальные практики» [12] отражено обращение шведских исследователей, возглавляемых Эльзой Дункельс, к вопросам идентичности в социальных сетях, практикам неформального общения молодежи, вопросам физических заболеваний, вызванных активной работой с цифровыми технологиями, практикам цифровой агрессии и цифрового радушия.

Но следует отметить, что для этого и для многих аналогичных современных исследований, посвященных анализу специфики цифрового поколения, свойственно ориентирование на осмысление узкоспециальных проблем, например, таких, как: потребление новостей, развлечения и повседневность, организация учебы и информационно-коммуникативные средства. Необходимы работы, которые смогли бы объединить эти исследования. В качестве методологической основы такой работы могла бы выступить феноменологическая дескриптивная аналитика.

Феноменология как оригинальное направление философии связана с внутренним развитием дескриптивного метода, выражающемся в экспериментальном характере исследований феноменов. Главное, что отличает феноменологическую философию, принятую в качестве исследовательской программы – возможность применить дескриптивный метод как практику описания конкретных феноменов, в данном случае, например, самых разнообразных контентов Интернет-коммуникаций.

Принципиальное отличие феномена от «объективного предмета» состоит в том, что при описании первого мы привлекаем способы его

конституирования сознанием, для чего проясняем структуру феномена, и потом уже в соответствии с ней строим феноменологическое описание, или феноменологическую дескрипцию. Требование рассмотреть поколение как феномен предполагает переход от обычной, естественной установки сознания к феноменологической. Обычно мыслители, обращаясь к исследованию поколения, пытались раскрыть сущность этого концепта, то, что определяло бы его природу, выдвигая при этом то количественный, то ценностный аспект в качестве основного принципа. Однако, несмотря на разные точки зрения для них всех характерно то, что они ставят своей целью анализ некоторой предметности (пусть даже такой идеальной как «поколение»), познаваемой сознанием, но в то же время, отличной от сознания. Сознание же рассматривалось в основном как **средство** исследования. Для феноменологического подхода характерно обращение к самому сознанию. Объектом феноменологического анализа является не реальность (материальная или идеальная), а акты сознания, в которых конституируется эта реальность. Прежде чем говорить о той или иной реальности (материальной или идеальной), следует исследовать те свойства сознания, которые лежат в основе контактов с ней и благодаря которым, по мнению феноменологов, появляется сама возможность познавательной и практической деятельности человека в окружающем мире. Предварительным условием феноменологического анализа должно явиться полное очищение сознания от всего того, что не принадлежит к его собственной природе, а потому должно рассматриваться как нечто внешнее по отношению к нему. Поэтому феноменологический анализ требует специфической установки сознания, и формируется эта установка, благодаря методу феноменологической редукции, она позволяет освободиться от наивности естественной установки сознания, источник которой заключается в том, что сознание интересуется прежде всего внешними предметами, а не теми смыслами, которые оно вносит в эти предметы в процессе их осознания.

Сознание имеет всегда отношение с сознанием, а реальность – это конструкт сознания, она является феноменом, как и другой предмет, произведенный сознанием. Итак, «реальное» – это не отношение фактического к осознаваемому, реальное производится сознанием так же, как и смысл, который не является чем-то абсолютно пред-данным и

«готовым к употреблению», чем-то таким, к чему только следует прикладывать разнообразные предметы. Смысл обретается по мере того, как он производится. Но мы по-разному мыслим предметы, в том числе и неадекватно, ложно, неопределенно, не-сущностно. Для того, чтобы понять, как в сознании преодолеваются эти «дефекты понимания», Гуссерль [13] анализирует как предмет соотносится с его «смысловым наполнением», т.е. анализирует «осуществление» предмета «по мере сущности».

Феноменологическая дескрипция является таким описанием предмета, в котором он выражается в своем сущностном предметном смысле и самых разнообразных способах осуществления в сознании: «по мере восприятия», «по мере воспоминания», «ясно-наглядно», «по мере мысли», как «данное» и т.д. Одна из форм смыслового конструирования – внимание. В нем сознание выступает источником своеобразного света, который, – как говорит родоначальник феноменологии Эдмунд Гуссерль, – «выхватывает из темноты фрагменты, секторы видимого». Гуссерль не случайно сравнивает внимание с блуждающим лучом, который, выхватывая из темноты фрагменты явленного, является источником своеобразного «смыслового света».

Дескриптивная практика осуществляется в определенной степени стихийно, она не расписана в заданной последовательности. Данностью феноменологического описания выступает уникальное конкретное содержание, которое имеет место во всяком восприятии. Общий план феноменологического описания можно определить в следующих пунктах (правилах) дескриптивной аналитики:

1. необходимость осуществления редукции (трех ее видов): феноменологической, на стадии которой осуществляется переход к от наивного объективизма к «феноменологической реальности», эйдетической, когда предмет мыслится как «фундаментальный фрагмент смысла», трансцендентальной, включающей анализ форм самого понимания, границ возможного опыта;

2. обращение к самому источнику предметных данностей – к сознанию; осознание того факта, что мы имеем дело с феноменами, мыслимыми предметными содержаниями;

3. феномен имеет свою структуру, которая и определяет порядок дескриптивного исследования;

4. феноменологическое исследование ведется в плане анализа множества коррелятивных предметных содержаний, когда мыслится некоторый «полный» предполагаемый итог описания феномена; т.е. от разнообразных смысловых вариаций мы переходим к анализу сущности предмета;

5. осуществление анализа во всех модусах (видах) понимания предмета (сомнения, уверенности, очевидности, непосредственного знания, авторитетного свидетельства и т.д.);

6. результатом феноменологической дескрипции является понимание и характеристика предметов в строгом феноменологическом смысле.

Предельный результат феноменологического описания – очевидная определенность предмета, скорректированная с сущностно важными intersubjectivными его смыслами. Дескрипция является и способом, и результатом феноменологического анализа. По сути, она является формой знания, в котором различается подлинное и мнимое, истинное и ложное в области суждения, ценностного восприятия, анализируется, что и каким образом конструируется сознанием. В этом состоит смысл феноменологической конкретности.

Предлагая феноменологическую дескриптивную аналитику в качестве методологического основания для выявления идентифицирующих дескрипций поколения «digital natives», цифрового поколения, можно будет определить наиболее значимые параметры в формировании опыта конституирования социальных феноменов этим поколением, в том числе и социально-культурной идентичности.

Понятие «идентичность» активно включено в арсенал исследовательской гуманитарной лексики (З. Фрейд, К. Ясперс, Дж. Мид, П. Рикер, Ж. Лакан, Э. Эриксон и др.) Показателями сформировавшейся культурной идентичности являются: признание национального языка в качестве родного; принадлежность индивида к тому государственному образованию, что и соотечественники; антропологические признаки; восприятие места рождения как своей родины.

Потеря культурной идентичности ведёт человека к утрате ощущения гармонии, упорядоченности универсума. Мир начинает восприниматься

как чужой, полный потенциальных угроз и насилия (отчуждение от самого себя, других людей, общества в целом; деперсонализация, ролевые конфликты, девиантное поведение). Это – кризисы культурной идентичности, совпадающие с возрастными кризисами, фиксирующими поколенческие особенности. Компенсацией и формой уточнения идентичности является существование в виртуальном мире, «киберпространстве» Интернета и новых технологий. Однако, человек рассматривается в технологиях лишь как реципиент; структурные изменения антропологического уровня редко учитываются в построении моделей информационного и социального будущего. Исследование структур повседневности сетевого общения позволяет прогнозировать новые формы этого будущего, возможные поколенческие сдвиги.

Существование социальных сетей изменяет не только образ жизни, но и структуру личности самого человека, возникают новые привычки, черты характера, уточняется иерархия ценностей. Создание «текста» собственной жизни – сложный труд, требующий духовной концентрации, осознания ответственности за свою «биографию», требующий работы по прояснению смыслов. Современному жителю мегаполиса зачастую не сконцентрироваться на этой задаче «в реале». Всё многообразие отношений переносится в сетевые ресурсы виртуального пространства интернета: блоги, сайты, форумы, личные страницы в сети, новые способы общения. Коммуникация и самопрезентация в социальных сетях – необходимое занятие для современного человека. «Сэлфимания» превратилась в своеобразную болезнь, зависимость, как отмечают психологи во всём мире. Позиции анкетных регистраций (например, семейное положение, вероисповедание, политические взгляды) заставляют пользователя уточнять самопредставление о своих социальных ролях и функциях, то есть постоянно уточнять идентичность. С помощью открытых дискуссий, оценок («лайков»), рейтингов идёт своеобразная коррекция идентичности извне. Социальные сети вовлекают представителей разных поколений, которые продуцируют новые способы структурирования идентичностей, чем не занимаются социальные институты и государство.

Межпоколенческое взаимодействие, которое раньше курировалось поколением «отцов» и рассматривалось как семейно-патриархальное,

патрилинейное взаимоотношение «старших, опытных, мудрых» по отношению к младшим «детям», – это взаимодействие перестало обладать однонаправленностью. Вспомним ироническую формулу советских времён: «Партия, дай порулить!», – в ней подчёркивалась невозможность поколения комсомольцев (с 14 до 28 лет) как-либо участвовать в геронтологических властных структурах и существенно влиять на социальную действительность. На младшее поколение всегда смотрели как на поколение недооформленное, ещё не обретшее права на онтологический статус.

В настоящее время изучение поколенческих проблем с аналитической позиции «простое-сложное» переместилось в плоскость категорий социальной идентичности «свои-чужие». Поколение Сети, будучи по социальному статусу «детьми» в традиционной патрилинейной структуре, становятся опекунами поколения «отцов» в ориентации и усвоении правил новой виртуальной реальности, которая и описывает поколение «цифровых аборигенов». Старшие, будучи «поколением иммигрантов» в сетевом обществе, вынуждены прибегать к так называемому «детскому надзору» – помощи в оперировании новыми гаджетами и компьютерными программами. В отличие от «взрослого надзора» – контроля за допустимым количеством времени в сетевом или ином общении и за качеством/содержанием сетевого контента – «детский надзор» распространяется в основном на технологические новации. Тем не менее системы ценностей разных поколений опосредованно взаимодействуют. Несмотря на это, внешне взрослое («ответственное») поведение по отношению к старшему поколению, возрастная идентичность «поколения Y» нуждается в уточнении. Так, современные социологи и психологи утверждают, что назрела необходимость выделения нового возрастного этапа: «постподростковость». (Напомним, что понятие «подросток» ввёл Ф.М. Достоевский для обозначения возраста «как бы взрослости», возраста половой зрелости, но социальной инфантильности). В наше время возникла необходимость в переносе важнейших этапов взросления: получение образования, выбор профессии и работы, создание семьи и рождение детей, – на возраст после 30 лет. Безусловно, что инфантилизация «поколения Y» или поколения Сети (рождённых в 1983–2003 гг.), по теории Хоува-Штрауса, связана с усвоением ценностей в

возрасте 12–14 лет, в частности с развитием цифровых технологий. Несмотря на наличие моральных ценностей, это поколение отличается наивностью и умением подчиняться. Постподростковость, как временной отрезок, характеризуется «жизнью для себя», гедонистическим содержанием этой жизни без особых моральных обязательств и ответственности за кого-либо, кроме себя. Это означает, что данное поколение тратит почти 15 лет на решение социально-поколенческих задач, решаемых ранее за 5–7 лет. Одной из причин этого процесса является и возросшее материальное благополучие, а также увеличивающаяся продолжительность жизни, особенно в развитых странах. Кроме того, дети, выросшие в этот период, наблюдали изменение содержания труда родителей. Всё большее число людей использует для работы вариант «домашнего офиса», ненормированного рабочего времени без обязательного присутствия на месте, разные варианты «свободных» и творческих профессий. Сбылось предсказание Э. Тоффлера о слиянии труда и досуга в «электронном коттедже». Геймеризация порождает несерьёзность социальных сценариев; взаимодействие с технической, электронной киберреальностью становится более важной задачей, нежели общественное или культурное служение. В психологии появился термин: «синдром Питера Пэна», как подчёркивание желания жить в выдуманном мире оставаясь ребёнком.

Интернет-аудитория самостоятельно ищет ответы на вызовы современности, подтверждая тем самым недееспособность существующих социальных институтов. Социальным авторитетом начинают обладать люди, имеющие влияние в сети, использующие возможности напрямую обратиться к аудитории без посредников и явных политических мотивов. Вместе с тем, процессы экономической глобализации по всему миру носят объективный характер и ведут к снижению роли государства, а также к связанному с ним размыванию традиционной идентичности. Поиски идентичности становятся частным делом каждого, и виртуальное пространство предоставляет широкое поле возможностей для этого процесса. Однако, если межпоколенческие взаимодействия опираются на единство базовых идентичностей, то общество способно обрести целостность и социальную дееспособность. Зародившаяся в сети акция «Бессмертный полк» – наглядное подтверждение этих возможностей.

Итак, феноменологическая дескрипция позволяет конструировать исследование в форме метаописания, соотносящего предмет с разнообразными смысловыми системами, соответствующими конструкции «насыщенного описания» (Гирц), или «ноэматическому (концептуальному) описанию» (Гуссерль). Это поможет выявить различные ценностные программы поколения digital natives, проанализировать их социально-культурную идентификацию, прояснить смысложизненные характеристики поколения цифровых технологий. Принцип «систематической дескрипции», или метаописания позволяет также перевести проблему конфликта интерпретаций (П. Рикер), или множественности описаний (М. Хайдеггер), в структуру, где коррелируются предметно-смысловые стороны познания, что особенно характерно для перенасыщенного Интернет-пространства, в котором содержания разрастаются в геометрической прогрессии и не столько дополняют одно другое, сколько вступают в противоречие.

В процессе осуществления феноменологической аналитики выявляется проблема формирования и уточнения идентичностей представителями цифрового поколения как одна из основных смысложизненных характеристик.

После выявления идентифицирующих дескрипций поколения «digital natives», можно будет определить наиболее значимые параметры расхождений в формировании опыта конструирования социальных феноменов в диахронной (по сравнению с поколением «digital immigrants») и синхронной (относительно других национальных культур) перспективах. Затем установить факторы, препятствующие эффективности межпоколенческого диалога, и выявить факторы, способствующие наиболее успешному процессу передачи и преемственности культурного опыта, а также разработать конкретные рекомендации по созданию учебных программ в соответствии с теми технологиями конструирования социальных феноменов, которым следует поколение digital natives.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Мид М. Культура и мир детства. Изб. Произведения. М.: Наука. 1988.
2. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7-47.
3. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Время и бытие. М.: Республика, 1993.

4. **Бжезинский З.** Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010.
5. **Фойер Л.** Конфликт поколений. Нью Йорк, 1969 [на рус. языке].
6. **Эйзенштадт Ш.** Конструктивные элементы великих революций: Культура, социальная структура и человеческая деятельность // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993 – Т.1 Вып. 2.
7. **Баталов Э.Я.** Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). Изд-во политической литературы. 1973.
8. **Кон И.С.** Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1966.
9. **Strauss W., Howe N.** The fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America Next Redezvous with Destiny / N.Y. Broadway Books.1997.
10. Born digital: understanding the first generation of digital natives, 2008.
11. Deconstructing Digital Natives: Young People, Technology and the New Literacies M. Thomas (ed.) Routledge 2011, 220 p.
12. Youth Culture and Net Culture: Online Social Practices, edited by Elza Dunkels, New York, 2011.
13. **Серкова В.А.** Описание феноменологического предмета в свете логики очевидного Эдмунда Гуссерля // Логико-философские штудии. 2011. № 9. С. 110-125
14. Дескриптивные практики в культуре. Сборник материалов научной конференции. / Отв. ред. Серкова В.А., Трофимова Е.А. СПб., 2011.

УДК 378:008

Н. В. Богданова, Н. Г. Сидина

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ КАК ЧАСТЬ МЕДИА-ТЕХНОЛОГИЙ В СОЗДАНИИ КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА

Медиа-технологии оказывают огромное влияние на все аспекты современного общества, включая стимулирование экономического роста, оптимизируя государственное управление, увеличивая темпы развития научно-технического прогресса и инновационных преобразований. Качество жизни сегодня уже измеряется по доступности информационных и телекоммуникационных технологий для населения. Развитие новых информационных технологий влечет за собой становление принципиально